

Я. С. ОТРЕМБСКИЙ

СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ЕДИНСТВО

После появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором подчеркивается важность изучения родства языков, перед языковедами встал с особенной остротой вопрос о взаимосвязях славянских и балтийских языков. Однако этот вопрос, несмотря на все усилия ученых, до сих пор остается нерешенным.

Раньше считали, что славянские и балтийские языки являются двумя ответвлениями от одного и того же славяно-балтийского языка, который возник в свое время как один из диалектов общеиндоевропейского языка. Но это утверждение выдвигалось в недостаточно обоснованной форме, так что данные, приводимые в пользу славяно-балтийского единства, многим языковедам не казались убедительными. Гипотезе о первоначальном славяно-балтийском единстве известный французский языковед А. Мейе противопоставил гипотезу о параллельном развитии двух языковых групп, которые не состояли в ближайшем родстве, т. е. не произошли из одного языка.

Некоторые ученые ищут компромиссного решения этого вопроса. К их числу принадлежит и выдающийся исследователь балтийских языков проф. Я. М. Эндзелин. В статье, опубликованной в 1953 г., он перечисляет много особенностей, указывающих на близкое родство славянских и балтийских языков, но не делает из этого перечисления должного вывода. Он допускает, что «...в некоторых случаях сходные факты в балтийских и славянских языках могли появиться самостоятельно и развиваться параллельно», и в конечном итоге выдвигает гипотезу, что «предки балтийских и славянских народов представляли собой самостоятельные группы племен, говоривших на очень близких диалектах»¹. Таким образом, Я. М. Эндзелин отрицает происхождение славянских и балтийских языков из одного общего языка и, по сути дела, даже не замечая этого, становится на позиции А. Мейе.

Итак, по моему мнению, и сейчас еще противостоят друг другу только две гипотезы: гипотеза о первоначальном единстве славянских и балтийских языков и гипотеза о параллельном развитии этих языков, образовавшихся из двух более или менее близких, но все же разных индоевропейских диалектов.

Расценивая обе гипотезы а priori, следует сказать, что гипотеза о параллельном развитии этих языков мало вероятна уже сама по себе. В истории индоевропейских языков нет ни одного случая, чтобы два языка, будучи разными по происхождению, вследствие одного лишь параллельного развития стали столь близкими друг другу, как языки славянские и балтийские. Очень близки языки индийские и иранские, несомненно разви-

¹ См.: Я. М. Э н д з е л и н, Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, «Труды [Ин-та языка и лит-ры АН Латв. ССР]», II, Рига, 1953, стр. 67—82; «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 125.

вавшиеся параллельно, но ведь это языки, которые являются двумя формами одного общего индо-иранского языка. Повторяю еще раз: такого случая, какой предполагает А. Мейе, а вместе с ним и Я. М. Эндзелин, никто пока не нашел и, пожалуй, не найдет. Уже опираясь на это априорное соображение, я считаю необходимым вернуться к старой гипотезе о славяно-балтийском единстве. В нижеследующем я пытаюсь обосновать правильность этой гипотезы путем анализа особенно тех явлений и фактов, которые, по мнению некоторых ученых, ей противоречат².

1. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Судьба кратких и долгих гласных *a*, *o*, *ə*; $\bar{a}$, $\bar{o}$

И в славянских, и в балтийских языках индоевропейские краткие *a*, *o*, *ə* совпали в одном звуке: в славянских языках он является в виде *o*, в балтийских — в виде *a*. Первоначально между обеими группами, повидимому, не было различия: и в славянской группе здесь было *a*, как в балтийской. Лишь впоследствии *a* изменилось в *o*. При этом надо помнить, что в ранний период жизни славян *o* был гласным открытым; это видно из передачи славянских слов греками и греческих слов славянами: ст.-слав. *slověne*: Σλαβῆνοι; *korabl'*: καρῶν(ο)ν; ст.-слав. *korabl'*.

Что касается славянского *o* из *a*, то оно получилось на основании общей славянской тенденции к превращению кратких гласных в звуки более узкие (и более краткие). Этой именно тенденцией объясняется и изменение гласных *i*, *u* в *ь*, *ѣ*.

Тенденция к более узкому произношению кратких гласных осуществилась в конце слова, повидимому, сильнее, чем в других положениях, вследствие чего из *o* в конечных слогах получается в известных условиях *ѣ*: им. и вин. падежи ед. числа муж. рода *volkъ* (русск. *волк*) из **vilko-s*, **vilko-m*.

Многие ученые полагают, что индоевропейские гласные $\bar{a}$ и $\bar{o}$ в славянской языковой группе всегда совпадают в одном *a*. Но это неверно. В начале и середине слова гласные $\bar{a}$ и $\bar{o}$ дали действительно одно *a*. Но в конечных слогах судьба $\bar{a}$ и $\bar{o}$ была, несомненно, различна. В то время как конечное $\bar{a}$ является в виде *a* (ср. им. падеж ед. числа *žena*), первоначальное $\bar{o}$ изменялось в двух направлениях: в односложных формах, как в середине слова, т. е. в *a*, но в многосложных в $\bar{u} > y$. На то, что из $\bar{o}$ получалось *-y*, указывают прежде всего формы им. падежа ед. числа вроде ст.-слав. *kamy* из **kamō(n)*; ср. лит. *aktiō* из **aktō(n)*.

Окончание *-y* из $\bar{o}$ свойственно было, по всей вероятности, и формам твор. падежа ед. числа в склонении основ на *-o-*: **plody* из **plodō*; ср. лит. *vaikū* из **vaikō*, **vaikō*. Но так как эта форма в известную эпоху ничем не отличалась от соответствующей формы множественного числа (ср. твор. падеж мн. числа *plody*), то она была заменена вторичной формой на *-oť* (**plodo-* — **plodomi*), образованной по образцу формы твор. падежа ед. числа в склонении основ на *-u-* (**sūnu-* — **sūnumi*).

Форма 1-го лица ед. числа наст. времени также, повидимому, некогда

² Библиографию, относящуюся к вопросу о взаимосвязях славянских и балтийских языков, можно найти в статьях и книгах: A. Senn, On the degree of kinship between Slavic and Baltic, «Slavonic and East European Review», 20, 1941; е р о ж е, Die Beziehungen des Baltischen zum Slavischen und Germanischen, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung», 71, 1954; E. Fraenkel, Die baltischen Sprachen Heidelberg, 1950. Библиографию по частным вопросам славяно-балтийского языкознания] дает Я. Эндзелин (J. Endzeliņš, Latviešu valodas gramatika, Rīga 1951).

обладала окончанием *-y* из *-ō*: *nesy из *nesō, лит. *nešù* из *nešō при греч. φέρω. Историческая форма на *-o* (ст.-слав. *neso*), до сих пор, с точки зрения ее происхождения, не выясненная, является формой им. падежа ед. числа причастий наст. времени, притом формой среднего рода. Дело в том, что в славянской языковой группе наряду с предложениями, в которых сказуемое было выражено личной формой глагола, употреблялись предложения, в которых сказуемое имело форму причастного оборота: *jazъ *nesy* «я несущу» или *jazъ (estъ) nesy* (муж. род). Неудобство здесь состояло в том, что *nesy* было и личной формой глагола, и причастной формой муж. рода. Однако в известную эпоху славяне перестали различать мужской и средний род в склонении причастий, вследствие чего стало возможным вместо формы мужского рода *nesy* употреблять форму среднего рода *neso и наоборот. Эту форму *neso начали включать и в причастные обороты с мужским родом. С течением времени двойное окончание формы причастия *nes-y* и *nes-o было перенесено и на личную глагольную форму: вместо *jazъ *nes-y* стали говорить также *jazъ *nes-o*. Это было, конечно, большим неудобством, которое не могло просуществовать долго. В качестве личной обобщена была окончательно форма на *-o*: *neso*, а в качестве причастной возобладала, по крайней мере в старославянском языке, распространившаяся на оба рода, мужской и средний, форма на *-y*: ст.-слав. *nesy*.

Такие формы им. и вин. падежей двойств. числа, как ст.-слав. *ploda*, *roda*, не опровергают нашего положения, что первоначальное индоевропейское *-ō* в многосложных формах изменилось в *-y*. Закономерно первоначальное окончание *-ō* изменилось в *-a* только в односложных местоименных формах: *ta*, *ja-že*. Отсюда оно распространилось и на многосложные местоименные формы, затем на числительные (*dъva*, *oba* и т. д.), прилагательные и, наконец, на существительные. Окончание *-a* в формах им. и вин. падежей двойств. числа было более пригодно, чем *-y*, так как оно находилось в полном соответствии с окончаниями *-ī* (*-i*), *-ū* (*-y*) в склонении основ на *-i-* и *-u-* (ср. старославянские формы им. и вин. падежей двойств. числа *gosti*, *syny*). Ведь обычным было чередование *o:ā*, но не *o:y*.

Из предыдущего видно, что в древнейшую славянскую эпоху унаследованный от индоевропейской эпохи гласный *ō* различался еще по положению, в зависимости от того, находился ли он в конце слова или нет. Следовательно, в эту эпоху *ō* не совпало еще с унаследованным *ā*. Об этом свидетельствуют и факты литовского языка, где индоевропейскому *ā* соответствует обычно *o* (*ō*), а индоевропейскому *ō* — дифтонг *uo*. Лишь в некоторых диалектах *ā* и *ō* имеют одно и то же соответствие (*stōti* и *dōti*), что является, несомненно, результатом более позднего развития. Небезинтересно и то, что изменение *ō* в славянской языковой группе в конечных слогах многосложных слов в *ū > y* до некоторой степени напоминает изменение *ō* в *uo* в литовском и латышском языках.

Итак, в начальный период своего развития славянская и балтийская языковые группы не отличались еще друг от друга в отношении судьбы индоевропейских кратких гласных *a*, *o*, *ə* и долгих гласных *a*, *ō*: краткие гласные представлены были в обеих группах одним кратким *a*, долгие же гласные еще различались.

Индоевропейские звуки *r*, *l*, *m*, *n*

Индоевропейскому языку свойственны были звуки, называемые, по всей вероятности не точно, слоговыми *l*, *r*, *m*, *n* и обозначаемые в транскрипции *l̥*, *r̥*, *m̥*, *n̥*. И в славянских, и балтийских языках соответствием

этих звуков являются обычно сочетания *il, ir, im, in*, но иногда также *ul, ur, um, un*:

ст.-слав. *mlъzq* из *mlъzq (инф. *mlěsti* из *melz-ti): лит. *milžti* «дойти» [3-е лицо наст. времени *mélž(i)a*];

ст.-слав. *vlъkъ*, русск. *волк*, польск. *wilk* из *vlkъ: лит. *vilkas*; ср. санскр. *vṛka-h*;

русск. *толстый*, польск. *tlusty* из *tolstъ: лит. *tuļžti*, 3-е лицо прош. времени *tuļžo* «набухать, делаться мягким, гнилым»;

русск. *сердце*, польск. (диалектн.) *sierce* из *sirdьce: лит. *sirdis* «сердце»;

русск. *верба*, польск. *wierzba* из *vъrba: лит. *vilbas* «розга»;

русск. *горсть*, польск. *garść* из *gъrstъ: латыш. *gurste*;

ст.-слав. *jeŭi*, польск. *jać* из *ъmti: лит. *iūti* «брат»;

ст.-слав. *dъmq*, *dъti* из *dъmti: лит. *dūmti*, 3-е лицо наст. времени *dūmia* «дуть»;

ст.-слав. *тънр*, *тънѣti*, *pa-мѣтъ*, др.-русск. *мню*, *мнѣти*, русск. *по-мню*, *помнить*: лит. *mīnli*, 3-е лицо наст. времени *mēna* «помнить; называть», *minėti*, 3-е лицо наст. времени *mīni* «вспоминать; припоминать»; *at-mintis* «память»;

др.-русск. дат. *падеж* ед. числа *мънъ*: жем. дат. *падеж* ед. числа *mīny* из *munie или *mūneŭi* из *munie.

По моему мнению, первоначальным индоевропейским звукам *l, r, m, n* в славянских и балтийских языках закономерно соответствуют только сочетания с гласным *i*, т. е. *il, ir, im, in* (слав. *yl, yr, ьm, ьn*). Что касается сочетаний с *u*, т. е. *ul, ur, um, un* (слав. *yl, yr, ьm, ьn*), то они нуждаются в особом толковании.

Отметим, что сочетания с *u* обычно бывают представлены в словах, корень которых уже содержал в себе звук типа *u* или *u*; так, например, корень **dum-* в слав. *dъmti и лит. *dūmti* является результатом преобразования корня **dem-* (ср. санскр. *dhamati* «дует») под влиянием корня **dus-* в ст.-слав. *vъz-dъchnъti*, русск. *вздохнуть* из **dus-*; ср. лит. *disti* «дышать». Сочетания с *u* встречаются также в словах звукоподражательных, где употребление *u* связано с передачей определенных эмоциональных оттенков. Так следует объяснить, например, серб. *brbôtati* «клокотать», лит. *burbėti* «бормотать; клокотать, бурлить» (рядом с *birlėti* со значением между прочим и «жуужать»).

То обстоятельство, что индоевропейские слоговые звуки *l, r, m, n* и в славянской, и в балтийской языковой группе являются обычно в виде сочетаний *il, ir, im, in* (слав. *yl, yr, ьm, ьn*), служит очень важным доказательством в пользу гипотезы о первоначальном единстве этих групп. Очень важно отметить при этом и то, что в обеих группах имеются одни и те же исключения, т. е. имеются слова с сочетаниями типа *ur* (слав. *yr*).

Дифтонги *oi (ai), ei*

В славянской языковой группе индоевропейский дифтонг *oi* (и *ai*) является в середине слова в виде *ě*, в конце слова в виде *ě* или *i(ī)*: ст.-слав. *sněgъ*; прусск. *snaygis*; ст.-слав. *vidъ*: лит. *vėidas*; ст.-слав. местн. падеж ед. числа *grěsě*, им. падеж мн. числа *grěsi*. Дифтонг *ei* изменялся всегда лишь в *i(ī)*.

Судьба дифтонгов *oi (ai)* и *ei* в балтийских языках не вполне выяснена. В прусском языке *oi (ai)* и *ei* сохраняются в виде дифтонгов *ai* и *ei*: *snaygis* «снег»: готск. *snaiws*; *deiws* «бог». В литовском и латышском

языках первоначальные дифтонги *ai* и *ei* отчасти сохранились в виде *ai* и *ei*, отчасти же изменились в *ie*, причем условия изменения в *ie* остаются до сих пор не выясненными.

Важно отметить здесь то, что первоначальные дифтонги *ai* и *ei* и их вторичная разновидность *ie* встречаются иногда в словах, образованных от одного и того же корня: лит. *snaĩgė, snaĩgala, snaĩguolė* „снежинка“: *snī̃ggas* „снег“; *đeivė* „богини“: *dī̃vas* „бог“; *vic-veī̃nelis* „совсем один“: *vī̃enas* „один“. Следует полагать, что балтийские дифтонги *ai* (*oi*), *ei* и развившийся из них в невыясненных до сих пор условиях восточнобалтийский дифтонг *ie* чередовались иногда в одних и тех же словах. Это чередование и было использовано для противопоставления слов производных словам основным. Для наших сопоставлений характерно то, что дифтонги *ai*, *ei* находятся как раз в словах производных.

Изменение дифтонгов *ai* (*oi*) и *ei* в *ie* в литовском и латышском языках, хотя и ограниченное какими-то не до конца ясными условиями, все же напоминает соответственные славянские процессы изменения *oi* (*ai*) > *ě, i* (в конце слова) и *ei* > *i*. Поэтому не будет невероятным, если скажем, что индоевропейские дифтонги *oi* (*ai*) и *ei*, сохранившиеся еще в самый ранний период развития славянской и балтийской языковых групп, позднее, во всяком случае после распада балтийской группы, стали изменяться в восточнобалтийской и славянской языковых группах в сходном направлении. При этом в восточнобалтийской группе дифтонги *oi* (*ai*), *ei* изменялись только при наличии известных условий, в славянской же группе изменение охватило эти дифтонги во всех положениях.

Дифтонг *eu*

Индоевропейский дифтонг *eu* в самый начальный период жизни славян и балтов, повидимому, еще сохранялся без изменения.

В славянской языковой группе дифтонг *eu* в связи с очень ранней палатализацией согласных в положении перед гласными переднего ряда дал сочетание *iau*, которое впоследствии изменилось в *'u*: *beudō (ср. греч. *πεύθοραι*) > *biaudō > ст.-слав. *bl'udŕ*.

Тот же унаследованный дифтонг *eu* в эпоху совместной жизни балтов удерживался, по всей вероятности, еще без изменения. На это указывают факты прусского языка, как, например, *peuse* („*linus silvestris*“ Voc. 597 и др.). Мало вероятно обычно предположение, что в прусском языке индоевропейский дифтонг *eu* изменился сначала в *iau*, а потом, по крайней мере диалектно, обратно в *eu*.

Изменение дифтонга *eu* в балтийской языковой группе относится, таким образом, лишь к эпохе после ее распада.

В языке, на котором говорили предки литовцев и латышей, дифтонг *eu* дал *ai*, как и в языке славян, но с предшествующим им твердым согласным: *daũžti* (3-е лицо наст. времени *daũžia*) „ударять, разбивать“ и т. д. Твердость согласного, предшествующего дифтонгу *ai* из *eu*, объясняется тем, что в эпоху этого изменения согласные в положении перед гласными переднего ряда оставались еще твердыми.

В литовском и латышском языках *iau* получалось обычно из вторичного дифтонга *eu, ei*, как, например, в *vedžiaũ* из *vede-u (3-е лицо прош. времени *vėdė*). Возникновение сочетания *iau* из вторичного дифтонга *eu, ei* было возможно в восточнобалтийской языковой группе только потому, что здесь, так же как в славянской, твердые согласные в положении перед гласными переднего ряда впоследствии стали мягкими.

Развитие индоевропейского дифтонга *ei* в славянской и балтийской языковых группах, правда, не может быть использовано ни в пользу, ни против гипотезы об их первоначальном единстве, но все же свидетельствует о параллелизме в развитии восточнобалтийских и славянских языков³.

Судьба *s*

Как известно, индоевропейское *s* в положении после гласных *i*, *u* и после согласных *r*, *k* является в индо-иранских языках в виде *š*. В тех же условиях вместо унаследованного *s* в славянской языковой группе наблюдается *ch*. Что касается балтийских языков, то в прусском и латышском индоевропейскому *s* соответствует в указанных положениях *s*, тогда как в литовском наряду с *s* в довольно многих случаях имеется и *š*.

Надо полагать, что во всех упомянутых языках, не только в индо-иранских, индоевропейское *s* в положении после *i*, *u*, *r*, *k* изменялось именно в шипящий *š*. В славянской языковой группе это вторичное *š* превратилось впоследствии в *ch*. В балтийских языках вторичное *š* изменилось обратно в *s*: в прусском и латышском во всех случаях, в литовском же с некоторыми ограничениями.

Судьбу *s* в литовском языке так же, как я, представлял себе уже Педерсен⁴, но он не определил «ограничения», представленные в реализации процесса изменения *s*.

По моему мнению, литовское вторичное *š* (из индоевропейского *s*) сохранилось закономерно только в положении после *r* и *k*: *viršūs* «верх»: ст.-слав. *vъrchъ*, русск. *верх* рядом с санскр. *varṣiṣtha-h* «самый высокий, самый верхний, самый большой», *āukṣtas* «высокий» рядом с лат. *augustus*; *aīkṣtas* «узкий» рядом с лат. *angustus* и т. д. В остальных случаях, т. е. после гласных *i*, *u*, согласный *š* из *s* снова изменялся в *s*: *lysė* «грядя», *saūšas* «сухой», род. падеж мн. числа *jūšų* «вас» и т. д.

В литовском языке имеются, однако, и слова с *s*, вместо ожидаемого после *r*, *k* согласного *š*, и слова с *š*, вместо ожидаемого между гласными *s*:

gařsas «звук, звон», *vieversỹs* «жаворонок», *dūksėtis* «уповать, надеяться, доверять» (у Даукши, Post. 81₁₁, 16₂₆), *āuksas* «золото» и т. д.; *maĩšas* «мех» и *māiša* «большой сетевидный мешок для сена» рядом с ст.-слав. *měchъ*, русск. *мех*; *riešutas* и *riešutỹs* «орех», русск. *орех*; *jūšė* «похлебка»; *kermušė* рядом с русск. *черемуха*, польск. *trzemcha* и т. д.

Эти и им подобные «исключения» нуждаются, конечно, в объяснении. Слово *gařsas*, каково бы ни было его происхождение (его возводят обычно к *gard-sas: *girdėi* «слышать») ассоциировалось с *baĩsas* «голос» и уже потому могло сохранить *s*. Слово *vieversỹs* является так называемым звукоподражательным образованием *vie-ver-sys (с удвоением): оно обладает суффиксом с согласным *s* того же происхождения, что, например, и в глаголе *kvaksėti* (= *kvak-s-ėti*), 3-е лицо наст. времени *kvāksi* «подавать голос (о курице, куропатке)»; *papsėti* (*pap-s-ėti*), 3-е лицо наст. времени *pāpsi* «ворчать от неудовольствия» и т. д.; будучи литовским новообразованием, *vieversỹs* не является подходящим примером; глагол *dūksėti* (*dūksėtis*) содержит в себе элементы глаголов *dūšėti*, *dūsi*, *dūšėjo* (*at-si-*

³ Подробнее о развитии индоевропейского дифтонга *ei* в славянской и балтийской языковых группах я писал в «Lingua Posnaniensis», IV, (1953), стр. 308—312.

⁴ См Н. Pedersen, Das indogermanische *s* im Slavischen, «Indogermanische Forschungen», Bd. V, 1895, стр. 83 и сл.

dūsėti «вздохнуть») и *dvōkti*, *dvōkia*, *dvōkė* «вонять, издавать дурной запах». В слове *áuksas* содержится позднее вторичное *k*, ср. лат. *aurum* из **ausom*. Некоторые слова с сочетаниями *rs*, *ks* распространились в литературном языке из тех переходных некогда существовавших литовско-латышских диалектов, в которых обратный переход $\check{s}$ (из *s*) в *s* происходил во всех случаях, следовательно и после *r*, *k*.

Прежде чем перейти к рассмотрению литовских слов с $\check{s}$ из *s* после *t*, *u*, необходимо сделать одно замечание общего характера. Процесс превращения $\check{s}$ в *s* охватил в прусском и латышском языках не только $\check{s}$ из *s*, но и $\check{s}$ из индоевропейского *k'*; в этих языках оба $\check{s}$, из *s* и из *k'*, были тогда, повидимому, одним и тем же звуком — твердым $\check{s}$. В литовском языке $\check{s}$ из *k'* сохранилось и не перешло в *s*, так как в эпоху превращения вторичного $\check{s}$ в *s* оно было, по всей вероятности, еще мягким звуком $\check{\check{s}}$, следовательно, отличалось от твердого $\check{s}$ из *s*. Принимая это во внимание, позволительно полагать, что не могло перейти в *s* и то мягкое $\check{\check{s}}$, которое получилось из сочетания $\check{s}$ (из *s*) + *i* («йот»). Такое $\check{\check{s}}$ отвердело лишь позднее, одновременно с $\check{s}$ из индоевропейского *k'*. По тогда процесс $\check{s} > s$ уже перестал действовать.

Слово *jūšė* восходит, несомненно, к прежней форме **iāš-iā/(i)e-*, согласный $\check{s}$ которой произошел из *s* в положении после *ū*; ср. санскр. *yūṣ*; польск. *jucha*. Итак, *jūšė* имело некогда сочетание $\check{s}j$, из которого получилось $\check{\check{s}}$ мягкое, не подвергающееся дальнейшему переходу в *s*. Словом с основой на *-iā/(i)e-* является и *kermušė* из **kermus-iā/(i)e-*. Прилагательное *vėtušas* могло получить $\check{s}$ из субстантивированной формы *vetušis*, жен. род *-ė* «очень старый человек», образованной при помощи суффикса *-io*, жен. род *-iā/(i)e-*.

В некоторых словах конечный слог *-šas* по тем или другим причинам отождествился, быть может, с суффиксом *-šo-* из *-k'o-*. Впрочем, я не исключаю также возможности, что такое слово, как, например, *māšas*, обладало первоначально основой на *-iō-*.

Я. М. Эндзелин полагает, что переходу в $\check{s}$ подверглось *s* в положении между *i* и *k*. Это предположение мне кажется мало вероятным так как имеется ряд слов, в которых *s*, несмотря на положение между *i* и *k*, не претерпело никакого изменения: мн. число *plėiskanos, -ų* «перхоть», мн. число *plėiskės, -ių* «мужская конопля», *tviskėti* «сверкать» и т. д.

Сочетание $\check{s}k$ возможно объяснить иначе, чем это делает Я. М. Эндзелин: по моему мнению, оно произошло из сочетания *ski*. Предполагаемый здесь переход $sk'i > šk' > šk > šk$ совершился, как известно, и в латышском языке. Глагол *iėškōti* «искать» получил сочетание *-šk-* сначала в прежних формах настоящего времени **eiskīō*: ст.-слав. *ištq* (и *ishq*), русск. *ищу*, ст.-польск. *iszczę* и т. д. Прилагательное *aiškus* «ясный» получило $\check{s}k$ под влиянием формы жен. рода с основой на *-iā-* (**aishia-*): им. падеж ед. числа *aiški*, род. падеж *aiškios* и т. д., а также наречия *aiškiai*. На то, что в этом слове согласный *s* не превращался по правилу Я. М. Эндзелина в $\check{s}$, указывает сохранившееся в отдельных диалектах наречие *yškiai*, литер. *tikrai* «верно». Относительно прилагательных на *-išhas*, как, например, *vūriškas* «мужской», *mōteriškas* «женский», следует сказать, что сочетание $\check{s}k$, вместо ожидаемого *sk*, получилось в них под влиянием субстантивированных форм *vūriškis* «мужчина», *moteriškė* «женщина, замужня женщина», где имелось сочетание $ski > šk'$.

Переход $sk' > šk' > šk$ знает и славянская языковая группа. Доказательством могут служить, между прочим, следующие факты из польского языка, особенно из старопольского: *szkarupa* или *szhartupa* «скорлупа», вариант слова *szczerzupa*; в русск. диалектн. *шкорлуна* сохраняет след

сочетания *šk-*: оно возникло, повидимому, путем преобразования слова *шкарлуна* под влиянием *скорлуна*; по происхождению — это образование, возникшее из повторения двух слов с одним и тем же значением: **skēr-* (ср. польск. *shóra*) и *lupa (ср. польск. *łupina*); *szkudła* «гонт»: *szczudła* (мн. число) «костили, ходули»; *szkalować*, ст.-польск. *szkalic* «хулить» от того же корня, что русск. *скало-* (зуб) и (зубо)-*скал*; корень **skěl-*: **shól-*, содержащийся в этих словах, тот же, что и в русск. *цель*.

Вопрос об условиях возникновения в славянской языковой группе сочетания *šk* из палатального сочетания *šk'* должен быть рассмотрен особо.

Итак, мы пришли к выводу, что индоевропейский согласный *s* превращался в литовском языке и вообще в балтийской языковой группе в соответствующий шипящий *š* в тех же условиях, в которых он в славянской языковой группе через промежуточную стадию *sh* давал *ch*, а в индоиранской — *ś*, т. е. в положении после *i*, *u*, *r*, *k*. Полученный таким образом шипящий *š* изменялся обратно в свистящий *s* в прусском и латышском языках, в литовском же только в положении после *i*, *u*, в то время как в положении после *r*, *k* он сохранялся.

Эта гипотеза вероятнее, чем господствующая в настоящее время, также по общим соображениям: она допускает переход индоевропейского *s* в *š* во всех индоиранских, славянских (здесь впоследствии в *ch*) и балтийских языках, не делая никаких исключений. Обратный переход вторичного *š* в *s* рассматривается иначе: он был возможен в литовском языке только в ограниченных условиях (т. е. после *i*, *u*), так как происходил уже в эпоху самостоятельной жизни этого языка.

Таким образом, мы устраняем важнейший аргумент, которым пользовался Я. М. Эндзелин для обоснования гипотезы, что «предки балтийских и славянских народов представляли собой самостоятельные группы племен, говоривших на очень близких диалектах»⁵. Как раз наоборот, судьба индоевропейского *s* в литовском языке особенно сильно подкрепляет гипотезу о первоначальном славяно-балтийском единстве. Сохранившийся в литовском языке после *r*, *k* шипящий *š* из индоевропейского *s* косвенно указывает, что в этот звук перешел индоевропейский свистящий *s* во всей балтийской языковой группе, так же как и в славянской. Но в дальнейшем, после разъединения балтов и славян, развитие вторичного *š* было в их языках различным: в балтийских языках *š* совершило обратный переход в *s*, в славянской языковой группе в *ch*.

Индоевропейские согласные *k'*, *g*, *gh*

Индоевропейским заднеязычным мягким согласным *k̥* и *g̊*, *gh* соответствуют в литовском языке *š* и *ž*, тогда как в латышском и прусском им соответствуют *s* и *z*:

лит. *dēsimi*; латыш. *desmit*, прусск. *dessimpts* «десять» рядом с ст.-слав. *desęty*; санскр. *daśa*, греч. *δέκα*, лат. *decem*; лит. *žinoti*; латыш. *zināt*, прусск. *sinnat* «знать» рядом с ст.-слав. *znati*; санскр. *jānati* «знает», авест. *pa'iī. zānata*; лат. *(g)nōscit*.

Не подлежит никакому сомнению, что в общепалатальском языке индоевропейские согласные *k'* и *g*, *gh* являлись в виде шипящих мягких *š* и *ž*. В литовском языке эти согласные лишь отвердели; в латышском и прусском отвердевшие согласные *š* и *ž* изменились впоследствии в свистящие *s* и *z*.

⁵ См. «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 125.

В славянских языках индоевропейским согласным *k'* и *g, gh* соответствуют *s* и *z*; это видно уже из приведенных выше примеров. Вследствие общей чрезвычайной близости славянских языков к балтийским весьма вероятной является гипотеза, что и славянские согласные *s* и *z*, подобно свистящим согласным в прусском и латышском языках, получились из индоевропейских *k'* и *g, gh* лишь через посредство шипящих *š* и *ž*.

Изменение общепалтийских шипящих согласных *š* и *ž* в прусские и латышские свистящие *s* и *z* совершилось уже после распада балтийской группы и находится, быть может, в связи с северным русским цоканьем. Что касается перехода шипящих *š* и *ž* в свистящие *s* и *z* в славянской языковой группе, то оно напоминает подобное явление в иранских языках, где именно индоевропейским согласным *k'* и *g, gh* соответствуют *s* и *z*; ср. авест. *dasa* «десять» рядом с санскр. *daśa* и приведенное выше *-zānata* рядом с санскр. *janati*. Возможно ли здесь говорить о территориальном ирано-славянском явлении?

Весьма интересно то, что в литовском языке, где происшедшие из *k'* и *g, gh* шипящие *š* и *ž* сохранились, сочетание *si* превратилось в свистящий мягкий согласный *š*: *siūti* «шить» из **siūti*. Между тем в языках прусском и латышском, с одной стороны, и в славянских, с другой, в которых индоевропейским согласным *k'* и *g, gh* соответствуют свистящие *s* и *z*, сочетание *si* изменилось в шипящий согласный *š* > *š*: прусск. *schuwikis* «сапожник», латыш. *šūt* = лит. *siūti*; ст.-слав. *šiti* из **šyti* < **siūti*. Итак, существование *š* (и *ž*) в литовском языке воспрепятствовало появлению нового *š* из *si*. Наоборот, в прусском, латышском и славянских языках, где вторичные *š* и *ž* уже превратились в *s* и *z*, не было препятствия для процесса *si* > *š*. Здесь следует подчеркнуть особо тот факт, что сочетание *si* изменилось в *š* не только в прусском и латышском языках, но и в славянской языковой группе.

Случается, что индоевропейские согласные *k'* и *g, gh* имеют в балтийских и славянских языках разные соответствия: лит. *klausyti* и латыш. *klāusīt* «слушать», прусск. *klausiton* «erhören»: ст.-слав. *slyšati*; слав. **gōsь* (польск. *gęś*, русск. *гусь* и т. д.): лит. *žąsis* «гусь». Но такие противоречивые данные не могут служить аргументом в споре о взаимосвязях обеих языковых групп. Подобно приведенным примерам имелись и другие слова, которые существовали первоначально, повидимому, в двух разновидностях, с заднеязычным согласным твердым или мягким; только с течением времени в отдельных языках одна из этих двух разновидностей была обобщена. Относительно употребления слова со значением «гусь» я позволю себе представить следующую гипотезу. Обычна была и в славянских языках форма **g(h)ansi-*, с мягким заднеязычным; но рядом с ней употреблялась увеличительная форма **g(h)ansi-*, с твердым заднеязычным, вероятно для обозначения гуся-самца. С течением времени осталась лишь форма с заднеязычным твердым согласным. При этом не следует забывать, что слав. **gōsь* (обычно женского рода) в русском языке является словом мужского рода. Гипотеза о германском происхождении слова **gōsь*, во всяком случае, не заслуживает доверия.

Судьба индоевропейского *kh*

Многие ученые придерживаются мнения, высказанного впервые, кажется, Педерсеном, что индоевропейскому придыхательному *kh* соответствует в славянских языках *ch(x)*, в то время как в балтийских — *k*.

Это двоякое отражение первоначального *kh* считается одним из главных различий между обеими группами языков, несмотря на то что достоверные данные для установления этого различия, в сущности, отсутствуют. В славянских языках — так же, как и в балтийских, — придыхательные согласные совпали с непридыхательными. Почему же придыхательное *kh* должно в этом отношении составлять исключение?

Но самое важное то, что гипотеза о переходе индоевропейского *kh* в славянское *ch* зиждется на очень сомнительных сопоставлениях. Главным примером, который свидетельствует будто бы об этом переходе, является наличие *ch* в слове *socha*: русск. *соха* и т. д. Это слово сопоставляется с лит. *šakà* «ветвь» и с санскр. *śakha* «ветвь», где, повидимому, сохранилось первоначальное *kh*. Нет оснований сомневаться в том, что это сопоставление правильно, но соответствие *k* (*śakà*): *ch* (*socha*) должно быть объяснено иначе.

Прежде всего, обратим внимание на то, что в литовском языке от того же корня, что *šakà*, образованы: *šaknis*, *-iēs* «корень» и прилагательное *šakañnis* «ветвистый» (ср. название реки *Šakárnė* и название местности *Šakañniai* в уезде Биржай), которому в латышском языке соответствует *sakarņis* «опрокинутый пенёк дерева». Однако значением «соха» обладает в литовском языке слово не от корня **šak-*, а от **žag-*: *žagrė*. В родстве с этим словом состоит употребляемое обычно во множественном числе слово *žagaraĩ* «хворост».

Полагаю, что **šak-* в *šakà*, *šaknis*, *šakañnis* и **žag-* в *žagrė*, *žagaraĩ* — это две разновидности одного и того же корня, одна из которых (**šak-*) имеет глухие, другая же (**žag-*) звонкие согласные. Чередование глухих и звонких согласных — обычное явление в литовском и вообще в балтийских языках (равно как и в славянских). Это чередование наблюдается главным образом в глаголах, но также и в других частях речи, существительных и прилагательных. Приведу здесь несколько примеров из литовского языка: *purkũoti* «ворчать (о коте)»: *burhũoti* «ворчать (о кошке)»; *virpėti*, *virpa*, *virpėjo* «дрожать, трястись»: *virbėti* «дрожать, шевелиться»; *keĩpti*, *keĩpsta*, *keĩpo* «дохнуть»: *geĩbti* «хворать»; *klebũys* «объятие; охалка»: *glebũys* с тем же значением.

Как видим, чередование глухих и звонких согласных представлено как в начале, так и в конце слова, или же в обоих положениях. Кроме того, следует иметь в виду, что количество примеров на данное явление может быть еще сильно увеличено.

Итак, лит. *žagrė* мы вправе считать звонкой разновидностью слова *šakà*. Слова с звонкими согласными отличаются от слов с глухими согласными по большей части и в отношении значения: они обладают именно увеличительным или пренебрежительным оттенком значения. Таким же образом отличаются друг от друга слова *žagrė* и *šakà*.

Основываясь на этом наблюдении, можно допустить, что славянское слово *socha* является не точным фонетическим соответствием литовского *šakà*, а его разновидностью. Какой — на это указывает лит. *žagrė*. Так как в *socha* начальное *s-* точно соответствует литовскому *š-* в *šakà*, то изменению в звонкий мог подвергнуться только второй согласный, т. е. *k*. Следовательно, слово *socha* надо возвести к более древней форме *soga.

Чередование глухих и звонких согласных в славянских языках общеизвестно. Здесь достаточно будет напомнить некоторые примеры из польского языка: *rasnąć*: *basnąć*: «упасть»; *raprać*: *babrać* «пачкать»; *pryskać*: *brzyzgać* «брызгать» и т. д.; рядом с прилагательным *wiel(i)ki* «великий» имеется уже с XIV столетия *wiel(i)gi*. Во всех этих сопоставлениях слова со звон-

кими согласными обладают увеличительным оттенком значения. В связи с этим явлением возникновение формы *soga из *soka (=лит. *žakà*) вполне возможно; ср. прусск. *sagnis* «корень» (Voc. 629).

В истории отдельных славянских языков согласный *g* не отличается устойчивостью: в чешском и словацком, верхнелужицком и украинском он превращается, как известно, в звонкий спирант *h*. Однако согласный *g* не был устойчив, повидимому, уже в эпоху совместной жизни славян, но тогда он изменялся в спирант *h* лишь спорадически, в словах с характерным оттенком значения, прежде всего с оттенком увеличительным и пренебрежительным. Звонкий спирант *h*, возникший только в некоторых словах, не сохранился, — он с течением времени совпал, но еще в эпоху совместной жизни славян, с глухим согласным *ch* из *s*. То же самое явление наблюдается и в истории польского языка. И здесь в словах с увеличительным и пренебрежительным оттенком значения из *g* развился звонкий спирант *h*, который, однако, совпал окончательно с унаследованным, происшедшим из *s* глухим спирантом *ch*: *ganba* > *hanba* (уже в XV в.), в современном произношении *chanba*; *golota* > *hotota*, в современном произношении *chotota*; *poganin* > *pohaniec* > *pochaniec*.

Далее мы приведем некоторое количество славянских слов с *ch*, которые можно считать позднейшими формами слов с изменением *g* > *h*:

русск. *хохотать*, словенск. *hohotáti*: русск. *гоготать*, польск. *gogotać*; греч. γογγύζειν, γογγύζω «роптать», «шуметь»; словенск. *hohnjáti* «говорить в нос» из *chachnati: др.-русск. *гуенати*, *гуенивый*, словенск. *gognjáti* «говорить в нос» из *gagnati;

серб. *húkati*, ст.-чешск. *chuk*: русск. *гукать*, чешск. *houkati*;

польск. *charkać* «хрипеть, картавить, откашливаться», укр. *хоркати* из *charkati: чешск. *hrkati* «грохотать, картавить» из *garkati.

Все это сопоставления слов так называемых звукоподражательных. Но вот сопоставления другого рода:

русск. *хватать*, польск. *charac*: белорусск. *гabaць*, означающее между прочим «хватать»; ср. также междометие: русск. *xan!*, польск. *char!*;

ст.-польск. *chynać* «склонить, нагнуть», *chynać się* «наклониться; броситься», русск. диалект. *хинуться* «нагнуться»: польск. диалект. *gibnać się*, русск. *с-гивать* из **gy(h)ṇoti*; *gybati; ср. еще польское междометие *chy-с* и производный от него глагол *chynać*;

чешск. *chovati*, польск. *chować*, русск. диалект. *ховать*: ст.-слав. *gověti*, русск. *говеть*;

русск. *хлопать*, словенск. *hlópati* «ударять»: чешск. диалект. *hlobit'* «ударять, ковать», польск. диалект. *głobić* «обивать (бочку) обручами; вгонять (клин)»;

польск. *cholewa*, русск. диалект. *холява* «голеньце»: ст.-слав. *golěнь*, русск. *голень*, польск. *goleń*;

польск. *pa-chole* «мальчик» и *pa-cholek* «батрак», чешск. *pa-chole* и *pa-cholek* с теми же значениями: чешск. *holec*, *holek* «молодой парень» из *golьсь, *golькь.

Закономерно, по моему мнению, только соответствие *k*: *g* > *h*, *ch*. Но с течением времени, когда обычным стало соответствие *k*: *ch* (из *g*, *h*), возникло новое соответствие *k*: *ch*. Таким образом, например, рядом с *ptakъ (польск. *ptak*) появилась уменьшительная форма *ptach-ткъ: польск. *ptaszek*, русск. *пташка*.

Из сказанного явствует, что славянское слово *socha* возможно и следует возвести к *soga и сопоставить с литовским словом *žag-rė*, которое является звонким вариантом литовского *žakà* (санскр. *śakha*).

Коль скоро мы согласимся с этим толкованием, у нас не остается ни одного мало-мальски достоверного примера, который мог бы служить до-

казательством, что индоевропейскому придыхательному *kh* соответствует в славянских языках глухой спирант *ch*. Тем самым устраняется одно из главных предполагаемых различий между славянской и балтийской языковыми группами.

Сочетание согласных с *i*

Сочетания *li*, *ri* и *ni* дали в славянской языковой группе, как известно, мягкие *l'*, *r'*, *n'*. Так же изменились эти сочетания в литовском и латышском языках: *mĵliu* «люблю» из **mliō*; *duriū* «колю» из **duriō*; *miniū* «вспоминаю», «припоминаю» из **miniō*.

О судьбе сочетания *si* мы уже говорили выше (см. «Индоевропейские согласные *k'*, *g'*, *gh*»).

Сочетания *vi*, *mi*, *pi*, *bi*. В славянской группе сочетание *pi* дало в начале слова всюду *p'*: ст.-слав. *p'lijo*, русск. *плюю*, польск. *pluię*. В середине слова сочетания губных согласных с *i* изменились в различных языках разным образом. В южных и восточных языках получились такие же сочетания, как в начале слова: ст.-слав. *l'ubl'jo*, русск. *люблю*; в западных языках получились мягкие согласные: польск. *lubię*.

Что касается балтийских языков, то в литовском языке первоначальные сочетания *pi*, *bi* являются в начале слова в виде *pj*, *bj*: *spjāutiū* «плюю», *bjaurūs* «отвратительный», но в середине слова в виде *p'*, *b'*: *verpiū* «пряду» из **verpiō*; *srebiū* «хлебаю» из **srebiō*. В латышском языке из сочетаний губных согласных с *i* получились в начале слова сочетания с *l*, внутри слова с *j*: *spļāit* рядом с лит. *spjāuti*, *blāirs* рядом с лит. *bjaurūs*; род. падеж ед. числа *cīrvja* (: *cīrvis* «топор») рядом с лит. *kiŗvio* (: *kiŗvis*).

Ученые полагают, что латышские формы с *j* внутри слова являются новообразованиями; раньше эти формы содержали в себе *l'*. Итак, ход развития сочетаний губных согласных с *i* в балтийских языках, в основном, тот же, что и в славянских, причем особенного внимания заслуживает сходство латышского языка с русским.

Первоначальные сочетания *tiq*, *di* дали в восточнославянских языках, как известно, *ч*, (*ѡ*) *ж*: *свеча* из **svētiq*, *возжу* из **vodiq*. Литовский и латышский языки не отличались в этом отношении существенным образом от восточнославянских. В литовском языке сочетания *ti*, *di* изменились в *č*, *dž*, тогда как в латышском в *š*, *ž*: лит. род. падеж ед. числа *vōkiečio* (: *vōkietis* «немец»), *brīedžio* (: *brīedis* «лось»), латыш. *vācieša*, *brīēža* из **vākietīa*, **brīediā*. Следует полагать, что сочетания *ti*, *di* изменились и в восточнославянских языках, и в литовском, и в латышском сначала в слитные согласные *č*, *dž*. В литовском языке они сохранились, но в восточнославянских языках и в латышском они изменились впоследствии в спиранты, причем в восточнославянских языках этому изменению подверглось только *dž* (ср. русск. *возжу*), в латышском оба сочетания: *č* > *š*, *dž* > *ž*. Кстати сказать, в восточнолитовских диалектах согласные *č*, *dž* изменились в *ć*, *dź*, которые напоминают польские *c*, *dz* из *ti*, *di*.

Сочетания заднеязычных согласных *k*, *g* с *i* изменились в литовском языке в мягкие *k'*, *g'*: *lekiū* «летаю» из **lekiō*; *regiū* «вижу» из **regiō*. В латышском языке мягкие согласные *k'*, *g'*, возникшие из сочетаний *ki*, *gi*, изменились дальше в *c*, *dz*, т. е. таким же образом, как и те *k'*, *g'*, которые получились из *k*, *g* в положении перед первоначальными гласными переднего ряда: *ļecu* из **lekiō*, *reǰzu* из **regiō*; *tecēt*: лит. *tekėti* «течь», *redzēt*: лит. *regėti*. Условия латышского процесса *k'*, *g'* > *c*, *dz*

поразительным образом напоминают происходившую в тех же условиях славянскую палатализацию $k', g' > \acute{c}, (d) \acute{z}$, но этот вопрос мы должны здесь оставить в стороне.

Сочетания *-tt-* и *-dd-*

На границе двух морфем иногда входят в соприкосновение конечные согласные *t, d* предшествующей морфемы и начальный согласный *t* следующей морфемы. Возникающее таким образом сочетание *-tt-* изменяется в славянской и балтийской языковых группах одинаково, а именно в *st*: ст.-слав. *metq*: инф. *mesti*; *vedq*: инф. *vesti*; лит. *metù* «бросаю»: инф. *mèsti*; *vedù* «веду; женюсь»: инф. *vèsti*. Переход *tt, dt* в *st* совершается в обеих группах по правилу, которое не знает исключений.

Говоря здесь о сочетании *dd(h)*, мы имеем в виду его судьбу только в литовском и латышском языках. К сожалению, данные, которыми мы располагаем, не позволяют решить этот вопрос окончательно.

В качестве доказательства в пользу гипотезы о переходе *td, dd > zd* (соответственно переходу *tt > st*) приводятся обычно причастия на *-damas* и прошедшее время на *-davau*: лит. *mèsdamas, mèsdavau; vèsdamas, vèsdavau*; латыш. *mēzdams, vēzdams*.

Однако ценность этих примеров сомнительна, между прочим, и потому, что они не отличаются большой древностью. Притом сочетание *zd* в приведенных выше формах может быть объяснено иначе: морфемы *mes-, ves-*, которые получились сначала в положении перед *t*, с течением времени стали разновидностью морфем *met-, ved-* в положении перед взрывными согласными вообще.

Я полагаю, следовательно, что *s(z)* перед *d* в приведенных выше примерах может быть такого же аналогического происхождения, как *s* в формах литовского повелительного наклонения: 2-е лицо ед. числа *mèšk(i), vèšk(i)* рядом с инф. *mès-ti, vès-ti*.

Особенно убедительным мне кажется предположение об аналогическом происхождении сочетания *zd* в литовских глаголах типа *èsdinti* «давать есть, жрать, кормить», которые также приводятся в пользу гипотезы о переходе *dd > zd*. Первоначальная, и сейчас еще употребляемая, форма этого глагола была *èdinti = *èd-in-ti* с суффиксом *-in-ti*. Ввиду наличия других глаголов на *-d-in-ti* с действительным суффиксом *-d-in-* (ср. *siùdinti* «заказывать платье»: *siùti* «шить»), форма *èdinti* казалась недостаточно прозрачной и была преобразована на основании инф. *èsti*. Преобразование *èdinti* в *èsdinti* было возможно, конечно, потому, что в сознании говорящих *s* являлось нормальным вариантом *t, d* в положении перед взрывными согласными, а следовательно, и перед *d*.

Сочетания *tl, dl*

Как известно, сочетания *tl, dl* сохраняются лишь в западнославянских языках, в южных же и восточных эти сочетания подвергаются упрощению в *l*:

польск. *plótt* из **plet-lъ*: ст.-слав. *pletъ*, русск. *плёл*;

польск. *wiódt* из **ved-lъ*: ст.-слав. *velъ*, русск. *вёл*;

польск. *mydło* из **my-dlo*: ст.-слав. *mylo*, русск. *мыло*.

Сочетания *tl, dl* не употребляются и в балтийских языках, но здесь представлена не утрата согласных *t, d*, а изменение их в *k, g*. Сочетания *kl, gl* вместо *tl, dl* обычны в литовском и латышском языках; в прусском языке сочетания *tl, dl* отчасти сохраняются, подобно тому как в соседних западнославянских языках:

лит. *žėnklas* «знак» из **žen-tlo-*, где *-tlo-* является вариантом славянского суффикса *-dlo-*; слово, соответствующее литовскому *žėnklas*, имелось и в прусском языке, но в форме *žentlas, что видно из встречающегося в диалекте катехизисов производного слова *ebsenliiuns* «указанный, обозначенный»;

лит. *ėglė* «ель», латыш. *egle* рядом с прусск. *addle*; польск. *jodła*.

Если я говорю в настоящей статье о судьбе сочетаний *tl*, *dl*, то только для того, чтобы указать на общую для славянских и балтийских языков тенденцию избегать этих сочетаний. Вопрос о том, каким образом изменяются эти сочетания, является уже второстепенным.

Сочетания гласных с носовыми согласными

В славянской языковой группе тавтосиллабические сочетания гласных с носовыми согласными не сохранились; они дали носовые гласные *o* и *e*, которые в отдельных славянских языках, например в восточнославянских, превратились в гласные *u* и *'a* (т. е. *a* с предшествующим мягким согласным).

Что касается балтийских языков, то тенденция к устранению тавтосиллабических сочетаний с носовым согласным наблюдается лишь в восточной группе, причем здесь устраняются только сочетания с *n*. Однако литовский и латышский языки расходятся относительно условий, в которых происходил рассматриваемый процесс.

В литовском языке этот процесс совершался всегда в конце слова, в середине же только в положении перед *j*, *v*, *l*, *r*, *m*, *n*, *s*, *z*, *š*, *ž*; результатом этого процесса является то, что прежним сочетаниям с *n* соответствуют долгие гласные. Значительное количество примеров представляют сложения с приставкой *sa-* и формы настоящего времени с носовым инфиксом: *sajūdis* «движение, волнение; поспешность» из *san-jūdis; 3-е лицо наст. времени *lįja* из *li-n-ja рядом с инф. *lįti* «лить (о дожде)»; мн. число *savalkos* «сброд, толпа, чернь» из *san-valkos; 3-е лицо наст. времени *puva* из *pu-n-va рядом с *pūti* «гнить» и т. д.

В латышском языке процесс устранения тавтосиллабических сочетаний с *n* был значительно шире, так как внутри слова он распространялся и на те сочетания с *n*, которые находились перед взрывными согласными. В силу этого процесса сочетания *an*, *en* превратились в дифтонги *uo*, *ie*, а сочетания *in*, *un* в долгие гласные *ī*, *ū*: *luōgs* «окно» = лит. *lāngas*, *pieci* «пять» = лит. *penkī*, *krītu* «падаю» = лит. *krinīu*, *jūtu* «чувствую» = лит. *juntū*. В конце слова дифтонги и долгие гласные, возникшие из тавтосиллабических сочетаний с *n*, сократились: *uo* и *ū* > *u*; *ie* и *ī* > *i*: виш. падеж ед. числа *rūoku* «руку» = лит. *raŋka*; *alu* «пиво» = лит. *ālu*; *biti* «пчелу» = лит. *bitė*; *avi* «овцу» = лит. *āvi*.

Невыясненным до сих пор остается процесс преобразования тавтосиллабических сочетаний с *n* в восточнобалтийских языках. Я. М. Эндзелин полагает, что эти сочетания теряли *n*, в связи с чем предшествующий гласный становился долгим. Но это предположение нуждается в проверке, в особенности на основании данных старолитовских текстов.

Значительное сходство балтийских языков с славянскими в преобразовании индоевропейского наследия говорит скорее в пользу противоположной гипотезы, а именно, что тавтосиллабические сочетания с *n* в восточнобалтийских языках по направлению к неносовым гласным продвигались тем же путем, что и соответственные сочетания в славянской языковой группе, т. е. через промежуточную стадию носовых гласных.

Как бы то ни было, несомненным является то, что подобно тому как в славянских языках сочетания гласных с носовыми согласными, упро-

щаясь, превратились в носовые гласные, упрощению подверглись и восточнобалтийские сочетания с *n*, но они в конечном итоге стали неносовыми гласными. Положение вещей в жемайтских диалектах, отличное от представленного выше, нуждается в особом рассмотрении.

Сочетания *pv*, *bv*

В литовском и латышском языках согласный *v* в положении после губных взрывных *p*, *b*, как известно, исчезает: лит. *apalūs* «круглый», латыш. *apaļš* из **ap-valus*; лит. мн. число *arūniai* «хмель», латыш. *arīņi* из **ar-vyniai*;

лит. *Labardziai*, латыш. *Labārdis* (топографическое название) из **Labvard-jo*.

Потеря *v* в положении после губного *b* наблюдается и в славянских языках: слав. **obolkъ*: русск. диалект. *оболоко*, ст.-слав. *oblakъ*, польск. *obłok* и т. д. из **ob-vol-kъ*.

Примеры, обнаруживающие общую для балтийских и славянских языков тенденцию к упрощению сочетаний *pv*, *bv*, это или слова с приставками, или настоящие сложения. Так как эти слова по большей части прозрачны по своему составу, то они часто восстанавливаются в своем прежнем, неизменном виде: лит. диалект. *apalūs*: литер. *apvalūs* и т. д.

Переход *sr* > *str*

В славянских языках в сочетании *sr* появляется переходный согласный *t*; так возникает новое сочетание *str*. Тот же процесс наблюдается в прусском и латышском языках; в литовском языке *str* вместо *sr* встречается только в диалектах.

Ст.-слав. *struja*, русск. *струя*; латыш. *strauja* рядом с лит. *srauja* «быстрое течение»; ср. санскр. *sraṇati* «течет». Из славянских языков в качестве примера на *str* из *sr* приводится еще ст.-слав. *sestra*, русск. *сестра* рядом с лит. *sesuō*, *sesėrs*. В прусском языке примерами на вторичное *str* могут служить некоторые топографические названия, как, например, *Strewe*, образованное от того же корня, что ст.-слав. *struja*, и т. д. В литовских диалектах встречаются такие формы, как *str(i)ovė*: *srovė* «течение»; *strėbti*: *srėbti* «хлебать» и т. д.

Упрощение геминированных согласных

Славяне и балты превращают геминированные согласные в простые: ст.-слав. род. падеж мн. числа *nasъ*, *vasъ* из **nōs-sōn*, **vōs-sōn* (ср. прусск. *nūson*, где *ū* вторичного происхождения); ст.-слав. 1-е лицо ед. числа аор. *něsъ* из **nēs-son*; лит. 1-е лицо ед. числа будущ. времени *vėsiu* из **ves-siō*: инф. *vėsti*; 2-е лицо ед. числа повел. накл. *bėk* из *bėg-ki*: *bėg-ti* «бежать» и т. д.

Перенос ударения

Ученые, занимавшиеся вопросом о древнейших славяно-балтийских языковых связях, уже давно обратили внимание на общий для обеих групп пережитый ими процесс переноса ударения. Процесс этот состоял в том, что ударение перемещалось с предыдущего слога с кратким гласным или циркумфлексом на следующий акутированный слог:

русск. *добр*, жен. род *добрá* рядом с литовским соответствием *gėras*, жен. род *gerà* из **gerā* (ср. форму сложного склонения *geró-jì*);

русск. *рукá*, вин. падеж *рúку* рядом с лит. *rankà* из **rankã*, вин. падеж *raĩka*.

Некоторые ученые полагают, что мы имеем здесь дело не с одним общим славяно-балтийским процессом, но с двумя не зависимыми друг от друга процессами, славянским и балтийским. Такому пониманию переноса ударения на с л е д у ю щ и й акутированный слог противоречат случаи переноса ударения на п р е д ы д у щ и й акутированный слог, опять-таки наблюдаемые в языках обеих групп; ср. русск. *дым*, род. падеж *дыма*: лит. *dĩmai* рядом с санскр. *dhĩmã-h* (с первоначальным ударением на втором слогѣ).

В дальнейшем я остановлюсь на тех морфологических явлениях, которые также указывают на наличие славяно-балтийского языкового единства⁶.

⁶ Анализ морфологических явлений, указывающих на наличие славяно-балтийского языкового единства, содержится в статье Я. С. Отрембского, помещаемой в следующем номере. (Ред.)